

УДК: 821.161.1: 82–43

БУЛГАКОВСКИЙ ДОМ НА САДОВОЙ И ЕВПАТОРИЯ

Мешков Валерий Алексеевич,

кандидат технических наук,

член редколлегии газеты «Обозрение крымских дел» (г. Евпатория),

297406, Евпатория, ул. Демешева, д. 100а,

тел. +7 978 923 57 86, e-mail: M25V02A1948@yandex.ru

Рассмотрены литературные, исторические и краеведческие аспекты произведения Михаила Афанасьевича Булгакова (1891–1940), связанные с московским «домом Пигит» на улице Большой Садовой. Приведены свидетельства того, что своим возникновением «дом Пигит» обязан российским предпринимателям и благотворителям караимского происхождения. Это владелец табачной фабрики «Дукат» И. Д. Пигит и учредители этой фабрики Э. И. Дуван и А. И. Катък, имена которых дали ей название. Как уроженцы Евпатории они не забывали, что свои состояния приобрели с помощью начального капитала крымского и евпаторийского происхождения, поэтому часто жертвовали значительные средства в помощь родному городу.

В основном на средства караимов в Евпатории появились до революции многие культурные учреждения, школы, городской театр, публичная библиотека. Булгаков посещал Евпаторию в 1911 и 1923 годах, и город отразился в его произведениях «Театральный роман» и фельетоне «Сильнодействующее средство».

Таким образом, через «дом Пигита» в Москве обнаружилось еще одни «незримые нити», связывающие М. А. Булгакова и его произведения с Крымом и Евпаторией.

Ключевые слова: *литературная история, краеведческие исследования, прототип, доходный дом, табачная фабрика, караимы, национализация, коммуна, Крым, Евпатория.*

Квартира № 50 в доме 302-бис по Садовой улице в романе «Мастер и Маргарита», где обитал Воланд и его «нечистая сила», получила известность как «нехорошая квартира». Она имеет прообраз: Булгаков с женой Татьяной Лаппой в 1921–1924 гг. жили в квартире № 50 в доме № 10 по Большой Садовой улице в Москве. В этом же доме они потом жили в квартире №34. Эти квартиры, дом и их реальные обитатели отразились не только в романе, но и в целом ряде рассказов и фелье-

тонов: «№ 13. – Дом Эльпит-Рабкоммуна», «Псалом», «Самогонное озеро», «Воспоминание...» и др. [10, 549–551; 562–564].

Как достояние литературной истории Москвы реальный дом №10 по Большой Садовой впервые был отмечен в воспоминаниях одного из его жильцов, знавшего писателя [8]. Не останавливаясь на его краеведческих исследованиях прообразов и прототипов романа «Мастер и Маргарита», обратимся к его выводу и описанию истории дома: «Итак, никакого дома 302-бис не было. Зато был и есть дом № 10 на Большой Садовой – дом Пигит, как называют его московские старожилы.

Дом пятиэтажный (шестиэтажным автор величает его, думаю, опять-таки из любви к легкому камуфляжу). Один из двух его корпусов – тот, что на пол-этажа повыше, выходит фасадом на улицу; другой – буквой П – находится во дворе, куда ведет длинная подворотня. Когда-то две клумбы и фонтан украшали его асфальтовый прямоугольник. В центре фонтана стояла скульптура: мальчик и девочка под зонтом. Теперь на этом месте растут два деревца, огороженные низенькими зелеными кольшками.

Сначала дом не предназначался для жилья – богач Пигит строил табачную фабрику. Но в самый разгар строительства пришло запрещение возводить фабрику внутри Садового кольца. Пигит не растерялся, и промышленное здание быстро превратилось в жилое. Фабрика «Дукат» выросла по соседству, в Тверском-Ямском переулке.

Проходя мимо дома Пигит теперь, в эпоху пластика и железобетона, вы вряд ли обратите на него внимание: типичный для старой Москвы доходный дом, какие строили в начале века в расчете на «чистую публику». А прежде, до реконструкции Садового кольца, еще не стиснутый громадами каменных соседей, дом выглядел внушительно. Шикарные эркеры, лепные балконы... Нарядный, полукругом выгнутый палисадник отделял здание от тротуара» [8, 168].

Понятно, что булгаковедов, как и авторов воспоминаний о Булгакове, фигура владельца дома мало занимала. И в этой публикации о нем всего лишь сообщалось: «Бельэтаж с длинными балконами на улицу занимал сам Пигит. Компаньон его, владелец гильзовой фабрики Каттык («Покупайте гильзы Каттыка!»), разместился на четвертом этаже второго корпуса». Далее В. Лёвшин первым идентифицировал, что «дом Пигит», это «не фон, не место действия, не поставщик сюжетов и реалий, а герой повествования» в рассказе Булгакова «№ 13. – Дом Эльпит-Рабкоммуна». Здесь действие происходит в начале 1920-х годов, когда дом уже стал общенародным достоянием, хотя начальствовал им тогда ««гениальнейший из всех московских управляющих Борис Самойлович Христи», за которым стоит колоритная фигура «матово-черного дельца в фуражке с лакированным козырьком» – караим Сакиз-

чи, управлявший домом при Пигите и оставленный в той же должности после революции по причине своей полной незаменимости» [8, 181].

По поводу владельца дома можно найти другие сведения, как выясняется, весьма неточные: «Прототипом Эльпита, платящего жалование Христи за сохранение дома, послужил не сам И. Д. Пигит, как кажется, благополучно эмигрировавший, а А. Б. Манасевич» [10, 562]. На самом деле Пигит умер еще до революции. Манасевич, один из богатых и влиятельных жильцов дома, не мог служить прототипом Эльпита: это явно собирательный персонаж, обобщающий черты реальных людей в соединении с фантазией Булгакова.

Сегодня многие люди, особенно известные, имевшие отношение к этому дому и к персонажам прозы Булгакова, в той или иной степени изучены. Не так давно в булгаковском музее «Нехорошая квартира» проходила выставка «Дом Пигита», и многие новые сведения появились в Интернете, но все-таки пока булгаковеды «копали» недостаточно глубоко и связи этого дома с Евпаторией не выявили.

Обратимся к биографии хозяина дома на Садовой: «Пигит Илья Давидович (1851–1915); имел низшее караимское и общее образование. И. Д. Пигит был выдающимся знатоком табака и производственным организатором и создал в г. Москве одну из самых больших и лучших в России фабрику табачных изделий под фирмой «Дукат» <...>; он же самый крупный среди караимов жертвователю, оставивший после смерти более трех с половиной миллионов рублей золотом караимскому трудовому народу на разные национальные и благотворительные цели» [6, 164]. Большая часть этих денег, согласно завещанию, предназначалась «на приобретение земли и устройство на ней караимского поселения для приучения к земледельческой культуре нуждающихся караимов с безвозмездным пользованием их землей и устройством» [6, 164].

В этой же биографической справке содержатся важные для нас сведения: «Для этой цели Илья Давидович незадолго до смерти лично сам облюбывал и приобрел недалеко от родного города Евпатории большое благоустроенное имение с паровой мельницей и прекрасной пахотной землей в количестве 3200 десятин, назвав его по-караимски «Имдат Пигит», что означает «Помощь Пигита»» [6, 164–165]. Из этого следует, что свое происхождение Пигит вел от Евпатории, и часть своих средств направил соплеменникам и землякам для устройства их жизни вблизи своего родного города. Это было не случайно – Евпатория к тому времени давно считалась духовной столицей караимов.

Что касается завещания Пигита, то из другого, более позднего источника следует, что на самом деле имение не являлось большей час-

тью его «движимого и недвижимого имущества, составлявшего более 3,5 миллионов рублей». Наследство делилось на две части: «Одну половину он завещал родственникам, директорам фабрики, работникам, караимским общинам. Остальные 50% он завещал Москве для учреждения в течение 12 лет профессионального полезного учебного заведения им. И. Д. Пигита» [7, 26].

Очевидно, что вторая половина наследства составляла денежные средства и была или расхищена, или досталась советской власти, а учебное заведение в честь Пигита учреждено не было. Соответственно первая половина состояла из дома Пигита, табачной фабрики «Дукат» и евпаторийского имения. Кому перешел по наследству дом, буглаководение умалчивает, но вероятно, родственникам. Табачная фабрика со всеми ее делами и производством, скорее всего, отошла директорам, а после революции национализирована.

Более подробно известна судьба имения: «Земля была приобретена у немца Ранке, и в момент покупки находилась в арендном пользовании братьев Гелеловичей <известных евпаторийских богачей>. Срок аренды истекал в 1921 году и потому И. Д. Пигит не хотел рекламировать ее покупку до истечения срока аренды. В 1916 году И. Д. Пигит скончался <биографические источники указывают 1915 год>. После его кончины братья Гилеловичи согласились до истечения срока аренды расторгнуть договор и передать землю в распоряжение Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления и 5-ти уполномоченных от евпаторийской общины» [7, 26–27].

Но шла война, потом произошли революции, и началась гражданская война. Выборы уполномоченных состоялись в Евпатории только 23 января 1918 года на сходе местных караимов по организации караимского сельского общества на земле «Имдат Пигит». Автор публикации [7] считает, что документы о передаче имения «в пользу караимского народа до конца оформлены не были из-за халатности душеприказчиков». Но о каком юридическом оформлении можно говорить, если в 1917 году власть в Крыму от монархии перешла к Временному правительству, а после его падения и периода многовластия в начале 1918 года установилась советская республика Таврида. Уже в конце апреля пришли немцы и началась германская оккупация. В ноябре немцы ушли, и их место заняла Антанта и деникинцы. Продержались они до середины апреля 1919 года, и были изгнаны советскими войсками, установившими Крымскую Советскую республику. И опять ненадолго, к концу июня белые войска и Антанта вновь заняли Крым, и он стал их последним оплотом до ноября 1920 года. При этом в Крыму происходило столкновение и различных национальных интересов, в частности крымские татары пытались создать в Крыму свое государство.

Где уж тут было учитывать интересы немногочисленного караимского народа? Многие их представители были богатые или небедные люди, советской властью причисленные к буржуям, помещикам и кулакам. Душеприказчики Пигита не выделили денег на обзаведение хозяйством и приобретение инвентаря, а дали их только в долг. Братья Гелеловичи от аренды так и не отказались и предоставили землю и инвентарь в субаренду. Тем не менее, первые пять семей поселенцев в 1919 году собрали первый урожай, расплатились с долгами. Но в 1920 году при Врангеле, по изданному им земельному закону, земля была отобрана. После установления советской власти в Крыму в конце 1920 года земля караимского поселения была поделена между малоимущими крестьянами, а впоследствии стала принадлежать колхозам и совхозам. Так закончилась история этого благотворительного начинания Пигита.

Подобная судьба постигла и дом Пигита. Он был национализирован советской властью, а его просторные и роскошные квартиры подверглись «уплотнению» и стали коммунальными. Управлять домом стали жильцы на правах рабочей коммуны. В одну из комнат квартиры 50 довелось в 1921 году вселиться Михаилу Булгакову.

Но вернемся к истории табачной фабрики Пигита: «Летом 1891 года в Москве у внешних границ Садового кольца, среди деревянных домов Чухинского переулка, начали строиться двух и трехэтажные корпуса табачной фабрики «Дукат» (ул. Гашека, д. 6). <...> Владелец предприятия тридцатидевятилетний купец 2-й гильдии И. Д. Пигит организовал на фабрике выпуск дешевых сортов табака, так называемого картузного табака (этот табак носили в картузах или в кисетах), махорки и дешевых папирос ручного производства. Выпуск табачной продукции рассчитывался на массового покупателя и на нее был большой спрос. Процветающее предприятие имело фирменный табачный магазин на Кузнецком мосту, множество мелких табачных магазинов и палаток, а также крупный склад табака в городе Бахчисарае» [7, 23].

Таким образом, сведения Лёвшина, что на месте «дома Пигита» сначала строилась фабрика, неверны: дом был построен только в 1906 году¹ [11, 716]. Очевидно потому, что строился он на доходы от реализации продукции табачной фабрики. Возникает вопрос, почему же Пигит назвал свою фабрику в честь Катюка и Дувана?

Это вновь возвращает нас к изучению связей Пигита с Евпаторией. Будучи уроженцем Евпатории, он не раз в ней бывал, имел там «домик». Пигит состоял в Евпаторийском обществе попечения о бедных

---

¹ В Музее «Нехорошая квартира» 100-летие «Дома Пигита» отмечали в 2004 году. В 2015 году открыта выставка, посвященная этому дому [4].

караимах. К нему не раз обращались за помощью евпаторийцы. По воспоминаниям председателя этого общества М. Айваза, в 1908 году на пожертвования местных благотворителей, среди которых А. М. Гилелович (посмертно) и его наследники выделили 50 тыс. руб., были построены здания «Женского профессионального училища», где обучались швеи и портнихи. Однако на этом местные ресурсы исчерпались, и тогда Айваз обратился к Пигиту с просьбой выделить 1000 руб. на новую обстановку и учебные пособия: «Пигиту очень понравилось, что мы в школе ввели преподавание караимского Закона Божия и он дал 3000 руб.» [1, 47].

В училище был оборудован зал, где ставились детские спектакли и проводились литературные вечера. На одном из них побывал Пигит: «Вечер этот привел его в такой восторг, что, уходя, он сказал, что жертвует Обществу имеющийся у него в Евпатории домик» [1, 49]. Кроме этого, для училища Пигит обещал дать 100 тыс. руб. «на его расширение и постройку второго этажа здания». Но это происходило незадолго до смерти миллионера, и оформить и передать эти дары он не успел. Айваз и другие члены Общества поехали в Москву на похороны Пигита, но опоздали. От наследников узнали, что по завещанию на благотворительность Пигит оставил 200 тыс. руб. Душеприказчики согласились выделить для училища 125 тыс. руб., но, как и в случае с именем и землей, по словам Айваза «из-за государственного переворота осуществить это оказалось невозможным» [1, 50]. Если учесть, что Пигит умер в 1915 году, то можно заключить, что и в этом случае наследники и душеприказчики не торопились выполнить волю покойного и свои обещания.

Учредители табачной фабрики «Дукат» Дуван и Катък, хозяином которой стал Пигит, тоже были благотворителями, и Евпатория тоже была их родным городом.

Абрам Ильич Катък (1860–1936) в караимских источниках характеризуется «выдающимся производственным организатором и коммерсантом», известным не только в России, но и в Западной Европе. В 1890 году как главный инициатор и главный основатель он вместе с братом Иосифом Ильичем Катыком создал в Москве «величайшую в мире» гильзовую фабрику для табачных изделий [6, 92]. Он много лет стоял во главе Московской караимской общины, а в 1907 году стал одним из главных основателей и бессменным Председателем Правления Московского караимского благотворительного общества вспомоществования бедным караимам. В 1917 году эти общества были упразднены, а фабрика Катыка, как и фабрика «Дукат», была национализирована. Однако Катък был принят на советскую службу и несколько лет состоял коммерческим директором в Совпольторге в Москве: «Два

раза Катык ездил по службе за границу, причем все задания Советского правительства выполнял честно и точно, вполне оправдав оказанное ему доверие». Тем не менее, советская власть не обеспечила ему достойную старость: «Последние свои годы Катык провел в нужде, которая и послужила главной причиной его смерти» [6, 93].

Эзра Исаакович Дуван (1844–1906) всю жизнь прожил в Евпатории. О том, какие дела связывали его с Катыком и Пигитом, сведений найти не удалось. Однако понятно, что караимы обычно старались иметь дело со своим кругом, особенно в коммерции и предпринимательстве. К 1890 году Дуван, как старший из троих, уже имел в Евпатории большие средства и мог ссудить Катыка и Пигита начальным капиталом для создания их фабрик. В Евпатории он был известен как видный городской и общественный деятель и крупный благотворитель. Много лет состоял гласным городской думы, почетным мировым судьей, председателем мирового съезда Евпаторийского округа, участвовал в попечительских и училищных советах в сфере образования. Правительство наградило его рядом золотых медалей и орденами вплоть до Владимира 4-й степени [6, 48]. Евпатории Э. И. Дуван завещал 100 тыс. руб. золотом², и это в 1905 году были большие средства.

Культурные пристрастия Пигита и Катыка нам малоизвестны, а что касается Э. И. Дувана, то про него отмечали: «В караимских делах Д. участия не принимал» [6, 48]. Этот же источник сообщает, что его сыновья «национального образования (т. е. знания родного языка и литературы) от отца» не получили. В этом нет ничего удивительного. После присоединения Крыма к России караимы стали полноправными гражданами, многие из которых стремились получить полноценное образование и овладеть русской культурой. Без этого те же Катык и Пигит не преуспели бы в своих предпринимательских делах в Москве, в российской среде. Дуван и его сыновья без этого не смогли бы добиться успехов и известности в обществе, в своей карьере, в достижении богатства.

Упреки в том, что у них было «пренебрежительное отношение <...> ко всему родному национальному и слепое подражание всему европейскому», вряд ли справедливы. В истории России много примеров, как люди самых различных национальностей, в первую очередь, ощущали себя российскими гражданами, становились людьми, прежде всего, российской культуры. Многие принимали православие.

Например, один из сыновей Э. И. Дувана – Исаак Эзрович Дуван-Торцов окончил юридический факультет Киевского университета, был присяжным поверенным, но оставил эту профессию, а приобрел изве-

² По другим источникам, Дуван оставил городу 50 тыс. руб.

стность как выдающийся артист и декламатор. Он много лет занимался театральной и преподавательской деятельностью в Киеве, поэтому М. Булгаков, с гимназических лет увлекавшийся театром, наверняка о нем знал. В 1912 году И. Э. Дуван-Торцов получил приглашение в Московский художественный театр, где под руководством Станиславского успешно играл до конца Первой Мировой войны, а во время гражданской войны уехал за границу. Живя с 1920 года в Лондоне, он создал там свою драматическую студию, успешно в ней преподавал, снимался в кино.

Его брат Семен Эзрович был выдающимся городским, земским и общественным деятелем в Евпатории и Евпаторийском уезде. В 1906–1910 и 1916–1917 годах как городской голова возглавлял Евпаторию. Еще при его жизни одна из центральных улиц города была названа Дувановской, и сегодня сохраняет это название в его честь. Он много сделал для того, чтобы превратить Евпаторию в первоклассный европейский курорт по лучшим образцам того времени. При его участии для развития культуры в городе появились один из лучших театров того времени на юге России и Пушкинская аудитория для народного просвещения. На свои средства С. Э. Дуван построил городскую публичную библиотеку им. Александра II (ныне им. А. С. Пушкина), для которой было приобретено и передано гражданами города, в том числе самим С. Э. Дуваном, большое количество книг. Свою богатую библиотеку завещал городу и его отец. К сожалению, за прошедшие 100 лет от первоначального богатого фонда их библиотек мало что уцелело.

Это семейство состояло в родстве с легендарным гаханом (патриархом) караимов «Хаджи Агой» Симой Соломоновичем Бабовичем (1788–1855), сыновья Э. И. Дувана были его внуками. Это был богатейший человек и землевладелец в Крыму. Он около 40 лет фактически возглавлял всех караимов и «обессмертил свое имя многими великими заслугами перед караимством» [6, 12]. Именно при нем Евпатория стала столицей караимов, где сам Бабович как гахан проживал в 1839–1855 гг. Ему было поручено в 1837 году руководить реставрацией знаменитого Бахчисарайского дворца, воспетого Пушкиным. Весьма вероятно, что Бабович встречался с великим русским поэтом во время его пребывания в Крыму: Пушкин всю жизнь носил караимское кольцо с сердоликом, подаренное Бабовичем супруге генерал-губернатора графа М. С. Воронцова.

После смерти Пушкина Бабович был среди двух человек, подписавшихся на посмертное издание собрания сочинений поэта в Евпаторийском уезде. Тем самым караимскому народу было завещано уважение не только к Пушкину, но и ко всей российской культуре. В связи

с тем, что точная история предков Пушкина неизвестна, исследователями выдвинута версия караимского происхождения Пушкина. Как мы видели на примере «матово-черного» караима Сакизчи, среди них действительно бывают люди, по обличию близкие к африканским обитателям. Поэтому есть некоторые основания того, что «арап Петра Великого», предок Пушкина Ганнибал, был малолетним «черным» караимом, которого выдали за отпрыска эфиопских царских кровей. Документального подтверждения этому исследователи до сих пор не нашли, и вполне вероятно, что родословная пушкинского предка была сочинена в угоду Петру.

Такова историческая подоплека той цепи событий, что дала возможность караимам, выходцам из Евпатории, участвовать в российской предпринимательской деятельности в Москве. Без сомнений, что в источнике всех их серьезных предприятий лежал караимский, т. е. в основном крымский и евпаторийский капитал. Одним из таких предприятий и стал доходный дом Пигита.

Бурные послереволюционные события привели в Москву и в этот дом бывшего врача, начинающего журналиста и писателя Михаила Булгакова. Благодаря ему прообраз этого дома навсегда вошел в знаменитые теперь произведения русской литературы. В рассказе «№ 13. – Дом Эльпит-Рабкоммуна» мы не видим караимов, хотя связи Булгакова с Евпаторией теперь известны, по крайней мере, с 1911 года [9, 38], когда караимы были на ведущих ролях в городе. В рассказе-притче такие подробности не были нужны, дом здесь является символом «прежней жизни», остатки которой должны теперь существовать при «новой советской жизни» в виде рабочей коммуны, прообраза далекого коммунистического будущего. Булгаков не верил в это будущее, и он показывает гибель дома. Тем самым показана не только неизбежная гибель «старого мира», но и эфемерность «новой жизни», которая строится по принципу «все отобрать и поделить».

«Был дом... Большие люди – большая жизнь.

<...> Четыре лифта ходили беззвучно вверх и вниз. Утром и вечером, словно по волшебству, серые гармонии труб во всех 75 квартирах наливались теплом. В кронштейнах на площадках горели лампы... В недрах квартир белые ванны, в важных полутемных передних тусклый блеск телефонных аппаратов... Ковры... В кабинетах беззвучно торжественно. Массивные кожаные кресла. И до самых верхних площадок жили крупные массивные люди. Директор банка, умница, государственный человек с лицом Сен-Бри из «Гугенотов», лишь чуть испорченным какими-то странноватыми, не то большими, не то уголовными глазами, фабрикант (афинские ночи со съемками при магнии), золотистые выкормленные женщины, всемирный феноменальный бас-

солист, еще генерал, еще... И мелочь: присяжные поверенные в визитках, доктора по абортмам...

Большое было время...» [2, 243].

Здесь у Булгакова и восхищение комфортом и налаженным бытом, к чему он был всегда равнодушен, и ирония по отношению к прежним обитателям Дома. Столь же иронично и сатирическое изображение новой жизни Дома:

«И ничего не стало. Sic transit gloria mundi!»³

Страшно жить, когда падают царства. И самая память стала угасать. Да было ли это, Господи?.. Генерал от кавалерии!.. Слово какое!

Да... А вещи остались. Вывезти никому не дали.

Эльпит сам ушел в чем был.

Вот тогда у ворот, рядом с фонарем (огненный «№ 13»), прилипла белая таблица и странная надпись на ней: «Рабкоммуна». Во всех 75 квартирах оказался невиданный люд. Пианино умолкли, но граммофоны были живы и часто пели зловещими голосами. Поперек гостиных протянулись веревки, а на них сырое белье. Примусы шипели по-змеиному, и днем и ночью плыл по лестницам щиплющий чад. Из всех кронштейнов лампы исчезли, и наступал ежевечерне мрак. В нем спотыкались тени с узлом и тоскливо вскрикивали:

– Мань, а Ма-ань! Где ж ты? Черт те возьми!

В квартире 50 в двух комнатах вытопили паркет. Лифты... Да, впрочем, что тут рассказывать...» [2, 243–244].

В рассказе Булгакова прежний владелец Адольф Иосифович Эльпит и управляющий Борис Самойлович Христи прилагают титанические усилия, чтобы сохранить дом, в надежде, что прежние времена вернуться. Но Дом гибнет в апокалиптическом пожаре, когда в жестокие холода стало нечем топить, и жилища Аннушка Пыляева стала топить в своей комнате буржуйку выломанным паркетом.

В действительности такого пожара не было⁴, и Дом сохранился до наших дней. Теперь в нем два музея, в какой-то степени «конкурирующие учреждения». В начале 1990-х годов открыли музей в «нехорошей квартире» 50, в 2007-м он стал государственным. Позже в 2004 году возник Музей-центр «Булгаковский дом». Оба музея ведут большую

³ Так проходит мирская слава (лат.).

⁴ «Хотя дом № 10 по Большой Садовой и не горел, как неоднократно предсказывал М. А. Булгаков (например, в рассказе «№13 – Дом Эльпит-рабкоммуна»), метафорически можно сказать, что теперь изнутри он выжжен дотла. 70 лет коммунальной истории и бурная последняя пятилетка, увы, не прошли для него даром, уничтожив убранство квартир, декоративные элементы, а теперь – и многие элементы главного и дворовых фасадов» [5].

работу по популяризации творчества писателя и привлекают большое число посетителей.

В заключение зададимся еще одним вопросом: случайно ли то, что Булгаков, приехав в Москву в 1921 году, оказался именно в этом доме? Известно, что Крым иногда явно, иногда неявно, существенно отразился в творчестве писателя. Об известных поездках Булгакова в Крым рассказано в [3]. Сравнительно недавно разыскания автора показали, что Евпатория тоже явно присутствует в произведениях Булгакова «Театральный роман» и фельетоне «Сильнодействующее средство» (1924). Писатель, как выяснилось, побывал в Евпатории в 1911 и 1923 году. В Крыму, Евпатории и Симферополе жили его родственники, с которыми он общался при своих приездах. В гражданскую войну в Крыму в белой армии находились его братья, один из них, Николай, спасся благодаря евпаторийским родственникам. Об этих и других «евпаторийских» подробностях в жизни Булгакова рассказано в [9].

Эти обстоятельства дают основания полагать, что в огромной Москве путь к «крымскому евпаторийскому островку» – дому Пигита – был предопределен либо самим Михаилом Булгаковым, либо его судьбой, как бы предначертанной свыше. В этом доме проходило становление Булгакова как писателя. Его творчество навсегда обессмертило Дом и его окрестности как знаковое «булгаковское место», – ныне одно из самых известных среди культурных достопримечательностей Москвы. Стоило копнуть глубже поверхностных сведений, и обнаружились новые скрытые нити, опять связывающие Михаила Афанасьевича Булгакова через этот дом с Крымом и Евпаторией.

Список литературы

1. Айваз М.А. История Общества попечения о бедных караимах // Караимская народная энциклопедия. Т. 5. СПб.: ООО Издательский дом «Gallina Scripsit», 2006. 448 с.
2. Булгаков М.А. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1992. 751 с.
3. Виленский Ю.Г., Навроцкий В.В., Шалюгин Г.А. Михаил Булгаков и Крым. Симферополь: Таврия, 1995. 144 с.
4. Выставка «Дом на Большой Садовой» – отчёт. Режим доступа: <http://mayak-panasa.livejournal.com/334228.html> (дата обращения 25.09.2015).
5. История дома Пигит – Музей Михаила Булгакова. Режим доступа: <http://www.bulgakovmuseum.ru/exposition/pigit-house-history> (дата обращения 25.09.2015).
6. Караимы. Караимский биографический словарь (от конца VIII в. до 1960). Часть 2 / Составитель Ельяшевич Б.С. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1993. 323 с.

7. Лебедева Э.И. (Сиказан). Московский предприниматель, благотворитель и меценат И.Д. Пигит // Караимы и Москва. М.: Издательство Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997. 130 с.

8. Лёвшин В. Садовая 302-бис / Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Советский писатель, 1988. 528 с.

9. Мешков В.А. Михаил Булгаков и Крым: новые страницы. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. 160 с.

10. Соколов Б.В. Булгаков. Энциклопедия. М.: Эксмо, Алгоритм, Око, 2007. 831 с.

11. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 672 с.

BULGAKOV'S MANSION ON SADOVAYA STREET AND EVPATORIA

Meshkov Valeriy Alekseevich,

Ph.D. of Engineering Sciences,

member of the editorial board of the newspaper

«Crimean Affairs Review» (Evpatoria, Russia),

tel.: +7 978 923 57 86, e-mail: M25V02A1948@yandex.ru

The article consider literary, historical and of local lore aspects of Mikhail Afanasievich Bulgakov (1891–1940) works, connected with Moscow's «Pigit mansion» on Big Sadovaya Street. It is demonstrated evidences that origin of «Pigit mansion» is obliged to Russian employers and philanthropists of Karaites nation. They were the owner of tobacco factory «Ducat» I.D. Pigit and that factory founders Ye.I. Duvan and A.I. Katyk, their names gave the factory name. As Evpatoria's native they did not forget that make his fortunes with help of initial financial capital of Crimean and evpatorian origin, so they often endowed considerable means for native town helping.

In the main on Karaites means it was erected many of cultural institutions, schools, town's theater, public bibliotheca in Evpatoria. Bulgakov visited Evpatoria at 1911 and 1923 years, and the town was reflected in his works «Theater's novel» and newspaper satire «Strong working remedy».

So through «Pigit mahsion» it was find out one more of «invisible threads», connected M.A. Bulgakov and his works with Crimea and Evpatoria.

Keywords: *literary history, of local lore investigations, prototype, paying house, tobacco factory, Karaites, nationalization, commune, Crimea, Evpatoria.*

References

1. Ayvaz M.A. Istoriya Obshhestva popecheniya o bednyh karaimah [The history of the Society for the care of the poor the Karaites] // Karaimskaya narodnaya

enciklopediya [Karaites folk encyclopedia]. St. Petersburg: Publishing house «Gallina Scripsit», 2006. Vol. 5. 448 p.

2. Bulghakov M.A. *Sobranie sochineniy. V pyati tomah* [Works in 5 volumes]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ., 1992. 751 p.

3. Vilenskiy Yu.G., Navrockiy V.V., Shalyugin G.V. *Mikhail Bulghakov i Krym* [Mikhail Bulghakov and Crimea]. Simferopol: Publishing House «Tavriya», 1995. 144 p.

4. Vystavka «Dom na Bolshoy Sadovoy» – otchyot [The exhibition «the House on Bolshaya Sadovaya» – report]. Available at: <http://mayak-panasa.livejournal.com/334228.html>, accessed 25.09.2015.

5. *Istoriya doma Pigit – Muzey Mihaila Bulghakova* [The history of the house of Pigit – Museum of Mikhail Bulghakov]. Available at: <http://www.bulgakovmuseum.ru/exposition/pigit-house-history>, accessed 25.09.2015.

6. Karaimy. *Karaimskiy biograficheskiy slovar (ot konca VIII veka do 1960)* [Karaites. Karaites biographical dictionary (from the late eighth century to 1960)] / Ed. B.S. Elyashevich. Moscow: N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and anthropology of the Russian Academy of Sciences, 1993. Part 2, 323 p.

7. Lebedeva E.I. (Sikazan). *Moskovskiy predprinimatel, blagotvoritel i mecenat I.D. Pigit* [Moscow entrepreneur, philanthropist and patron I.D. Pigit] // *Karaimy i Moskva* [Karaites and Moscow]. Moscow: Publishing house of the Interregional center for industrial Informatics of the Russian State technical control, 1997. 130 p.

8. Lyovshin V. *Sadovaya 302-bis* [Sadovaya street, 320] / *Vospominaniya o Mihaile Bulghakove* [Memories about Mikhail Bulghakov]. Moscow: Sovyetskiy pisatel Publ., 1988. 528 p.

9. Meshkov V.A. *Mihail Bulghakov i Krym: novye stranicy* [Mikhail Bulghakov and Crimea: new pages]. Simferopol: Biznes-Inform Publ., 2011. 160 p.

10. Sokolov B.V. *Bulghakov. Enciklopediya* [Mikhail Bulghakov. Encyclopedia]. Moscow: Eksmo, Algoritm, Oko Publ., 2007. 831 p.

11. Chudakova M.O. *Zhizneopisanie Mikhaila Bulghakova* [Biography of Mikhail Bulghakov]. Moscow: Kniga Publ., 1988. 672 p.